

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Конторович

ПОГРАНИЧНИК

Рейд смертника

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К65

Оформление серии *П. Волкова*

Иллюстрация на переплете *П. Ильина*

К65 **Конторович, Александр Сергеевич.**
Пограничник. Рейд смертника / Александр Конторович. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-80949-3

НОВЫЙ военно-фантастический боевик из знаменитого «Черного цикла». Продолжение бестселлера «Пограничник. Пока светит солнце». Наш человек в 1941 году. Капитан Погранвойск НКВД становится сотрудником секретного Управления «В», предназначенного для корректировки истории, и принимает бой против гитлеровцев и бандеровцев.

Сможет ли он выполнить особое задание командования — или его отправили на верную смерть? Как ему вырваться живым из Киевского «котла», где погиб целый фронт? Удается ли пограничнику заманить в засаду немецкую ягдкоманду? И на что способен в умелых руках единственный броневagon от бронепоезда против целого полка?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80949-3

© Конторович А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ПРОЛОГ

*И.о. командира 396 стрелкового полка
135 стрелковой дивизии
Майору Горбуненко В.А.*

РАПОРТ

Докладываю вам, что сегодня 03.08.1941 г. в 03.46 утра, форсировав реку Ирша, на занимаемые полком позиции из тыла немецко-фашистских войск вышла группа бойцов и командиров РККА в количестве 112 (ста двенадцати) человек.

При этом ими было уничтожено передовое охранение противника в количестве шести солдат и ефрейтора и захвачен один танковый пулемет. Двоих пленных немецких солдат бойцы переправили на нашу сторону.

Вышедшими из тыла бойцами командовал старший лейтенант Ерихов П.В. — командир батареи 12 зенитно-артиллерийского дивизиона ПВО.

Всего в составе группы старшего лейтенанта Ерихова насчитывается:

Пять командиров РККА в званиях от лейтенанта до старшего лейтенанта;

Сто три бойца различных родов войск;

Четверо военнослужащих медсанчасти НКВД, вышедших вместе с бойцами группы из вражеского тыла.

На вооружении группы имеются:

Три станковых и шесть ручных пулеметов разных систем, в том числе — один станковый и три ручных — трофейные.

Одиннадцать пистолетов-пулеметов (семь трофейных).

Девяносто шесть винтовок и карабинов (восемнадцать трофейных немецких карабинов «Маузер»).

Имеются боеприпасы к стрелковому оружию и некоторое количество ручных гранат.

Четырнадцать бойцов и один командир — лейтенант Еремин А.С. имеют ранения и направлены в медсанбат.

О выходе группы старшего лейтенанта Ерихова мною было направлено донесение в Особый отдел, однако до настоящего времени никто из его представителей так и не прибыл.

*Начальник штаба 396 стрелкового полка
капитан Сидельцев А.Р.*

* * *

Однако особист все-таки появился — им оказался невысокий седоватый (несмотря на относительно молодой возраст) политрук. Осмотревшись на месте, он с ходу взялся за командира вышедших бойцов.

Пригласив его в землянку и выпроводив оттуда ее обитателей, он уселся за стол и вытащил из своего планшета лист бумаги.

— Присаживайтесь, товарищ старший лейтенант. Моя фамилия — Грызлов, и я представляю здесь органы госбезопасности. Как вы понимаете, у меня к вам имеются вопросы, на которые хотелось бы получить конкретные и исчерпывающие ответы.

Ерихов пожал плечами, подтащил поближе к столу обрубок бревна, который здесь исполнял роль табурета, и уселся на него.

— Для начала попрошу предъявить ваши документы! — произнес особист.

— Пожалуйста. — Зенитчик вытащил удостоверение личности, а из планшета достал и положил на стол какие-то бумаги. — Это приказ о занятии обороны моей батареей.

Внимательно просмотрев все, политрук кивнул.

— Итак, как явствует из предъявленных вами документов, вы и ваша батарея занимали позиции, согласно приказу начальника ПВО.

— Совершенно верно, занимали и отражали все попытки авиации противника нанести удар по станции. Нами был подбит один вражеский самолет и один сбит. Об этом имеются пометки в предоставленных мною документах. Также там имеется удостоверение личности погибшего фашистского летчика. В боевом журнале сделаны соответствующие записи.

— Кем сделаны записи?

— Записи сделаны мною собственноручно.

— Эти записи? — перевернул страницу боевого журнала особист.

— Да, эти.

— Как следует из журнала, вы также вели бой с танками и пехотой немцев. Чем это было вызвано? Немцы ворвались на станцию?

— Да. То есть нет — они не сразу ворвались! Батарея была передислоцирована по указанию заместителя начальника Особого отдела штаба армии старшего политрука Ждановича. Он предъявил мне свои полномочия и отдал соответствующий приказ.

— Письменный приказ?

— Вот он. Даже печать есть — все как положено! — ткнул рукой в документ зенитчик.

— А кто дал вам приказ на отступление? Старший политрук?

— Нет. Он уже погиб к этому времени. Обороной станции командовал капитан Ракутин — его Ждано-

вич назначил. Нам было приказано прикрыть отход эшелона с техникой и беженцами.

— Удалось?

— Да. Ушел этот эшелон и еще один — тот, что ближе к вечеру прибыл. Многих не вывезли — места не хватило. Но раненых погрузили почти всех. И всю технику.

— Какую технику?

— У группы старшего политрука были какие-то особенные немецкие танки — их и вывезли.

— Танки? — вопросительно приподнял бровь политрук.

— Ну, я сам только один видел... но говорили, что их несколько... Первым эшелонам и вывезли. А потом, когда уже стемнело и немцы отошли, капитан...

— Кто?

— Так Ракутин же! Он и приказал отступить, мол, задачу мы выполнили, надо выходить к своим.

— А сам он куда делся?

— Позавчера у нас бой был... на колонну немецкую нарвались, а там танки! Вот его и отрезало... да, так и не встретились мы больше...

ГЛАВА 1

Как фигово, когда болит голова... просто невыносимо! Гул какой-то в башке... Не встать толком и не повернуться. А надо. Надо пусть и не встать, но уж от этого места по-всякому уползти. Ничем хорошим это не кончится.

И так уже остается только удивляться тому, что какой-нибудь любопытный фриц не поинтересовался еще содержимым карманов и полевой сумки. Но очень может быть, что таковой фриц вскорости тут образуется. Прибудут сюда трофейщики какие-нибудь — и все...

Надо ползти, коли идти пока невозможно. И Ракутин полз... обдирая колени и локти, переваливаясь через какие-то бугорки...

Вперед! Все равно куда, лишь бы отсюда подальше. Чертов танк! Угораздило же его вывернуться откуда-то в самый неподходящий момент! А так все нормально складывалось!

И ведь до линии фронта почти уже дошли, пушки уже вовсю бахали, даже и ружейные выстрелы где-то раздавались... Рядом все! Один рывок! И вот в этот-то момент и появились немцы...

* * *

Приземистый гробообразный броневик вывернулся откуда-то сбоку и притормозил. По-видимому, его водитель совершенно не ожидал увидеть тут красноар-

мейцев. Дорога-то была совсем ненаезженная, глухая, можно сказать. И не самая удобная для передвижения. Оттого ее и выбрали для отхода, по лесу грузовики не проехали бы. А как еще раненых нести? Слишком уж их много...

Так и шли, пробираясь узкими стежками-дорожками, хоронясь в лесной тиши (там, где она имелась). А имелось ее тут не так уж и много. Больше приходилось прятаться по всяким балочкам, изображая из себя разбитую автоколонну. Завидев самолет (а мог он тут быть только немецким), поджигали банки, набитые ветошью, щедро политой маслом и бензином. Бойцы падали на землю, изображая убитых и раненых.

Примитивно, конечно... но пока сходило с рук. Надо думать, у пилотов имелись задачи и поважнее.

Четыре грузовика, которые удалось взять со станции, были заполнены ранеными. К одному прицепили даже уцелевшую в последнем бою зенитку.

Две сотни бойцов — те, кто мог идти самостоятельно. Зато с оружием проблем не было.

И так его имелось в достатке, да еще потроша попадавшиеся по пути остатки автоколонн, осматривая места недавних боев, набрали всего вдоволь. Хуже было с едой — ее-то как раз и не хватало. Воды — хоть залейся, а вот пожрать...

Плохо еще и то, что передвигаться приходилось урывками. Можно сказать — от куста к кусту. Сначала вперед уходила разведка, осматривая дорогу. Потом — рывок! И снова сидим...

Днем идти почти не удавалось, слишком уж велик был риск налететь на фрицев. А там — только свяжись! Мигом со всех сторон налетят — у них это хорошо организовано.

Шли вечером, когда реже летали самолеты, да и активность немцев слегка затихала (во всяком случае, хотелось на это надеяться...).

День, второй... пока все получалось неплохо. Правда, некоторую часть раненых пришлось-таки оставить у местных жителей — тряски в кузовах машин они не выдерживали. Остался и один из фельдшеров — надо же было кому-то смотреть за бойцами?

Зато на следующий день подобрали в небольшой роще сразу нескольких медиков — из числа войск НКВД. Те отсиживались в кустах после стычки с немецким патрулем. Отстреливаться медсестрам было не из чего, на всех имелся всего один наган с тремя патронами. Так что шансов выйти целыми из любого столкновения имелось ноль целых, фиг десятых.

Спасенные девушки, едва освоившись, тотчас же захлопотали около раненых, чем сняли изрядную головную боль у последнего оставшегося в отряде фельдшера.

* * *

Совершенно гражданский человек — работавший ранее в пристанционном медпункте, Трофим Иванович Граченко был совершенно ошарашен свалившимися на его голову заботами и хлопотами. Ракутин своей властью мобилизовал его на станции, когда сколачивал отряд для прорыва к своим. Единственный оставшийся в живых после боя, военфельдшер Ластовенко только руками разводил, растерянно оглядывая почти шесть десятков раненых бойцов. Он один мало что мог сделать. Не сильно спасали положение и четверо бойцов, которых капитан отправил ему в помощь. Выбирать не приходилось, и Алексей приказал бойцам перерыть всю станцию и отыскать хозяина пристанционного медпункта. Через полчаса того доставили на перрон, где капитан заканчивал формировать колонну.

— Что случилось, товарищ командир? — Слегка обалдевший пожилой дядька, увидев хоть какое-то начальство, обрадованно рванулся к Ракутину.

— Вы кто?

— Фельдшер я... Граченко...

— Медпункт, — кивнул в сторону пристанционных построек Алексей, — ваш?

— Мой. Уж второй год как работаем.

— Вот и хорошо! Бойцы помогут вам взять все необходимое. Полчаса хватит?

— На что... Как полчаса?! Для чего?

— Вы мобилизованы в ряды Красной Армии. Как специалист военного профиля. Понятно?

— Но... я ведь невоеннообязанный... у меня ноги...

— Сейчас война, ограничения мирного времени признаны несостоятельными, — напирал Алексей. — Вам что — мои полномочия предъявить?

Что там были за полномочия, Граченко не знал, но внешний вид командира (частично обгоревшее обмундирование, плохо замытая кровь на обшлаге рукава, ободранное лицо и хрипловатый голос) к вдумчивому неторопливому общению не располагал. Да и творившаяся на станции кутерьма тоже никакого повода к веселью не предоставляла. Обстановка совершенно не обнадеживала, да и только что закончившийся бой (который фельдшер пересидел в погребке) тоже приятных впечатлений не оставил. И искушать судьбу лишний раз Граченко не стал.

— Как скажете, товарищ командир... Ну, хоть вещи-то свои я собрать могу?

— Еще полчаса! Бойцы вам помогут! Вопросы есть? Таковых не оказалось.

И теперь фельдшер был несказанно рад неожиданной помощи — сам он буквально с ног валился! А появившиеся медсестры были все-таки гораздо более предпочтительнее неопытных в этом деле красноармейцев.

Только-только все стало налаживаться... Нельзя сказать, что появление бронетранспортера явилось такой уж совершенной неожиданностью и для бойцов Ракутина. Все-таки какой-никакой, пусть и не очень пока большой, а опыт столкновения с немцами у них уже имелся. Разумеется, никакой моментальной реакции на встречу с противником не произошло. Но хоть врассыпную пока никто не бросился — уже хорошо!

А вот первым открыл огонь все же стрелок бронетранспортера... И удачно выстрелил, надо сказать!

Пулеметная очередь прошла ближайший грузовик. Патроны в ленте у фрица были не только обычными, зажигательные и трассирующие пули там тоже присутствовали. Грузовик вспыхнул — сразу весь. Видимо, одна из пуль пробила бензобак и зажгла вытекающее топливо.

Этим все успехи немца и ограничились — мелькнув над покатым бортом, внутрь бронетранспортера влетело сразу несколько гранат. Опомнившиеся бойцы одной не ограничились, просто не успели сообразить — бросали все сразу.

Ударившими взрывами машину качнуло на месте. Смолк пулемет, и над бронетранспортером поднялся легкий дымок.

Но, рыча двигателем и разбрасывая в стороны ошметки травы, вырвался откуда-то сзади танк. Легкий. С малокалиберной скорострельной пушкой.

Которая тотчас же не преминула внести в ход боя и свой вклад — накренился набок второй грузовик. Следующую очередь стрелок положил прямо по разбежавшимся бойцам — и тоже удачно, сразу несколько человек замерли на месте, бессильно обмякнув на выжженной солнцем траве.

А уже выползал на пригорок второй танк. Слышались где-то позади отрывистые команды, надо полагать, там и пехота подтянулась...

— Танки жечь! — Капитан властно взмахнул рукой. — Пулеметчикам — позиции занять! Пехоту немецкую держать, скоро уже тут будут!

Легко сказать — жечь! Да только вот сделать это... не так уж чтобы и просто.

Первых бойцов, которые рванулись навстречу немцам, опрокинули пулеметные очереди — танкисты оказались далеко не новичками и хорошо понимали, какую опасность могут представлять близко подобранные пехотинцы. И не собирались им таковой возможности предоставлять.

Оба танка развернулись чуть вбок, двинувшись вдоль линии боестолкновения. Стрелять по красноармейцам они вполне могли и так, а вот расстояние между собой и бойцами Ракутина они старались выдержать как можно более дальним. Безопаснее как-то не подпускать красноармейцев к себе вплотную... хватит ведь у них ума разбить бутылку с бензином о раскалившиеся жалюзи моторного отсека...

В этом был выигрыш немцев. Который, впрочем, так же быстро сменился и разочарованием. Ибо, повернув вбок, танки подставили свои борта единственному серьезному оружию отряда — скорострельной зенитке. На всеобщее счастье, пушку тащили во главе колонны, и танкисты ее попросту не успели заметить.

Зенитчики Ерихова (со всей батареи уцелело 13 человек) в очередной раз доказали свое высокое умение. Стоило только прозвучать первым выстрелам, как они тотчас же бросились к орудию.

Броня легкого танка и в лоб-то не является непреодолимой преградой для тридцатисемимиллиметрового снаряда, а уж в борт...

Так что наводчик первого танка недолго радовался своим точным выстрелам — здесь отыскиались не менее умелые стрелки.

Получив в борт сразу два снаряда, первый танк запылал на месте, а из распахнутых люков вырвались вверх языки огня.

Второй танк, уходя от внезапно появившейся угрозы, резко повернул вбок, ставя между собою и зенитчиками уцелевший пока грузовик. Но удачно пущенный снаряд сорвал ему гусеницу, и бронированная машина замерла на месте, накренившись набок.

Тут бы его и добить! Увы... С грохотом вырвались со стороны немцев новые бронированные чудовища — не до подранка... Сделав еще несколько выстрелов, орудие умолкло — кончились снаряды. Удалось отбросить назад рванувшуюся вперед пехоту, заставить попятиться один танк... и все.

Горели грузовики — на этот раз по-настоящему, а не бутафорские банки и ведра с промасленной ветошью. Хотя, разумеется, и они тоже чего-то там добавили... Подожгли ли их немцы, или кто-то из отступающих бойцов запалил — теперь уже не так и важно. Важно то, что они оттягивали внимание противника на себя. Откуда-то оттуда стреляла и пушка — трассеры от снарядов явственно обозначили ее местоположение. Но горящие машины скрывали ее теперь от глаз танкистов.

Тащили на руках раненых бойцы, отступая в глубину проходящего рядом оврага. От быстрого разгрома спасало пока еще опасение немцев заработать артиллерийский снаряд прямо в лоб.

Черный дым от горящих машин застилал низину, укрывая от их глаз все происходящее. Молчание орудия вполне могло быть вызвано и тем, что артиллеристы попросту не видели целей. Дым — он не только немцам на руку. Да и к вечеру близко, солнца уже нет, видимость и без того — далеко не самая хорошая.